

Т. В. Кудрякова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРА В ПОЭЗИИ ГЕННАДИЯ АЙГИ

Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск, Россия

Аннотация. В статье обозначены основные особенности реализации художественного пространства мира в русскоязычной поэзии Геннадия Айги. Под миром подразумевается глобальное пространство, выходящее за пределы конкретного топоса, в частности, топоса Родины (страны) лирического субъекта – России. Мир Г. Айги рассматривается с позиции моральных образов, анализируется роль топонимов и антропонимов в представлении мирового пространства. В контексте образа мира характеризуются также образы сияния (свечения) и пения.

Ключевые слова: мир как пространство, моральная топология мира, топонимы и антропонимы, сияние (свечение), пение.

T. V. Kudryakova

LITERARY SPACE OF THE WORLD IN GENNADY AYGI'S POETRY

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

Abstract. The article deals with the main features of representation of Gennady Aygi's literary world space in Russian-language poetry. The world is considered as a global space that goes beyond the specific topos, in particular beyond the topos of Motherland of a persona – Russia. Aygi's world is explored from the position of mortal images. The author analyzes the role of toponyms and anthroponyms in the represented world space; characterizes the images of radiance (glow) and singing in the context of the world imagery.

Keywords: world space, mortal topology of the world, toponyms and anthroponyms, radiance (glow), singing.

Актуальность исследуемой проблемы. Художественное пространство мира в стихотворениях Г. Айги является одной из центральных пространственных координат наряду с пространствами поля, леса, России, а также конкретной вещи, тела и т. п. Цель нашего исследования – определить специфику презентации данного пространства, что позволит расширить понимание эстетики художественного пространства поэта в целом.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили стихотворные произведения Г. Айги, представленные в основных собраниях стихотворений: «Отмеченная зима» (1982) [3], «Здесь» (1991) [1], «Теперь всегда снега» (1992) [6], а также в «Собрании сочинений», опубликованном в 7 томах издательством «Гилея» в 2009 г. [4] (цитация в тексте приводится без отсылки к конкретному сборнику). Основным методом исследования является описательно-функциональный в сочетании с элементами культурно-исторического метода.

Результаты исследований и их обсуждение. Исследование позволило выявить основные особенности реализации художественного пространства мира в поэзии Г. Айги.

Наряду с пространством родной страны – России – в поэзии всемирно известного русско-чувашского поэта Геннадия Николаевича Айги (1934–2006) обозначается художе-

ственное пространство мира. Стоит предположить, что факт представления данного пространства обусловлен широким признанием русскоязычной поэзии чувашского гения за пределами России: его стихотворения публиковались в Польше, Чехии (Чехословакии), Венгрии, ФРГ, Франции и других странах. Сам Г. Айги не раз бывал за границей, не оставался равнодушным к событиям, происходящим в мире (например, стихотворением «Цветы, режьте», написанным 23 августа 1968 г., поэт болезненно откликается на ввод советских войск в Чехословакию). Таким образом, появляются предпосылки для расширения художественного пространства его поэзии от конкретных топосов поля, леса, Родины и т. п. до мира. Причем поэт не просто «расширяет» пространство, отдаляясь от конкретного топоса, но постоянно возвращается к нему вновь: «...разбегаются в разные стороны тропы по поэтической *местности* Геннадия Айги и опять сходятся воедино. От “Поля-России” к околице родного села Синьял, от европейских космополитических *топосов* (полисов) к крохотной Чувашии (Чъваш Ен)» [15, с. 52].

Важно понимать, что в соответствии с неоднозначностью определения слова «мир», а также многообразием его значений, реализующихся в контексте тех или иных стихотворений, мир поэта – это не только пространство, выходящее за границы родной страны или родного села (или даже достигающее масштаба Вселенной: «сидишь в качалке / <...> / себе выдумывая мать... – / теперь уже – саму Вселенную» («К одной из годовщин потери», 1967); «*OFacies Totius Universi!*» («Мир-Сосны», 1976), это также абстрактное пространство в онтологическом смысле, способное определять бытие как таковое. Естественно, нельзя утверждать о наличии между ними четкой границы. В данной статье мир рассматривается как реальное, физическое пространство (земной мир), выходящее за пределы конкретного топоса (малой родины, родной страны), а также как глобальное пространство. В некоторых случаях синонимом мира как глобального пространства у Г. Айги может выступать земля (Земля): «мы на земле / играем в людей» («Тишина», 1960); «от Земли отделяю бла-качество / и она уже – поле» («Поле со строением», 1973). Одним из типов пространств поэта, соотносящихся с реальным пространством мира и являющихся его *Другим*, выступает трансцендентный мир: «мир потаенный» («К тебе с конца», 1964); «другие миры» («Песня звуков», 1983; «Виденье: юная девушка», 1983) и др. (см. также *Сон-Мир* [5, с. 11]).

Образ мира в поэзии Айги можно рассматривать с позиции мортальной топологии. Мортальное пространство мира формируется в контексте мортального времени истории XX в. – «Освенцим-мир» («Стланик на камне», 1982) – и может быть представлено через конкретные пространства стран, городов (посредством включения топонимов), а также через замкнутые пространства – «места смерти» (бла-места). *Бла-место*, или *блатное место* (по примечанию самого поэта, «бла» является сокращением от слова «блатное» [2, с. 6]) – это место насилия, смерти и ужаса, его характеризуют замкнутые пространства концлагеря – «бе-Сское место» («И: перед тобой», 1969 (из цикла «Лимб Жакоба»)), конторы («После случая в конторе-мире», 1966; «И: та же контора-мир», 1968) и т. п. Глобальное пространство мира, таким образом, способно редуцироваться до пространств, имеющих четкую границу, и обретать качественные характеристики.

Мировое мортальное пространство (как и пространство мира вообще) у Г. Айги реализуется через топонимы, которые прямо называют то или иное место (город, страну), и антропонимы, способные выводить на конкретное пространство – или даже время – через биографию упомянутой личности. Посвящения воссоздают кровавые исторические реалии тех или иных стран. Стихотворение «Покинутость: спецобработка в конторе (К “делу” Р. С.)» (1968) посвящено казненному словацкому коммунисту Рудольфу Сланскому (1901–1952); стихотворение «Розы на Вацлавской площади (памяти Яна Палаха)» (15 января 1969) – совершившему акт самоожжения в знак протеста против советской

оккупации чешскому студенту Яну Палаху. Ясно, однако, что поэтический мир не сводим «...к простому воспроизведению тех или иных локальных характеристик реального ландшафта» [10, с. 413], поскольку являет собой пространство художественное и в той или иной степени преломляется через призму поэтического видения, то есть выражает *поэтическую субъективность*, связанную с опытом как поэта (писателя), так и читателя [9, с. 112–113].

Иноязычные антропонимы Г. Айги, расширяющие пространство до-мира и задающие панораму мировой культуры, встречаются в основном после заголовков в виде посвящений (о чем уже было сказано), а также в заглавиях и самом тексте. В качестве примера можно привести имена французских поэтов *Ива Боннфуа* («Без названия», 30 января 1965), *Анри Мишо* («Иная роза: для Анри Мишо», 1966), *Рене Шара* («Поле: в разгаре зимы», 1970), чешского поэта *Иржи Волькера* («Из поэмы о Волькере», 1957), американских поэтов *Эдварда Эстлина Каммингса* («Третий кузнецик (к “Кузничкам” В. Хлебникова и Э. Каммингса)», 1967), *Джека Снайсера* («До не-существования», 1977). Среди топонимов можно отметить, к примеру, такие названия, как *Витебск* («Казимир Малевич», 1962), *Прага* («Розы на Вацлавской площади», 1969; «*Černá hodinka*: на могилу К. (О. Машковой)», 1970), *Берлин* («Флоксы ночью в Берлине», 1992) и др.

Обозначая смертность топологии мира, необходимо отметить, что поэт характеризует мир, наделяя его определенными свойствами непосредственно, а также опосредованно, включая в тот или иной контекст. Мир как художественное пространство в поэзии Г. Айги, рассматриваемый с позиции смертности, выступает как:

1) источник боли: «боль / как вместилище мира» («Заря: шиповник в цвету», 1969); «памятником: / миру который теперь – только боль! – / и язык Мира-этого-Боли держится светосодержаще» («*Černá hodinka*: на могилу К. (О. Машковой)», 1970);

2) угроза, источник страха, смерти: «ночь этого мира / огромна страшна как Господь-не-Открытый / <...> / люди-убийцы / вкраплены в тьму этой ночи земной» («Запись: арофатичес», 1976); «мир / стал – сверлящею точкой во лбу» («Последний отъезд. Валленберг в Будапеште», 1988); логически связанным с мотивами угрозы, страха, смерти оказывается мотив укрывания от мира: «о этот ветер! – от мира укрывающий» («Место: пивной бар», 1965); «странно-уютно / я полою одежды укрыт в этом мире» («В ветер», 1978);

3) небытие, пустота: «как бархат на умершей / <...> / поблескивает мир / кругом отсутствуя давно» («Заря: после занятий», 1965);

4) мир, исключаящий из себя человека: «мир – это: нет никого уже больше!» («Снова: ты с конца», 1970); «заменяемый в мире у всех на виду / и при слухе – другим: / <...> / “человек”-отщепенец...» («Сон: яблони в цвету», 1977); «Мир / Без Никого» («Последний отъезд. Валленберг в Будапеште», 1988).

Смертность мирового пространства выражается также через образы нарушенной телесности и сопутствующие им цветовые характеристики (*белокостный, алеющий* и т. п.): «Кость-И-Раненная = / о-В-мире-место-есть-твое» («И вновь: начиная со сна», 1969); «алеющее облако / во сне печальном мира» («Розы в городе», 1972); «отсвет дня / по лбу и по глазам – как будто по кускам / в Овраге-Мире лже-живых» («Читая Норвида (Отрывки)», 1980); «Дом или мир, – что-то белокостно-центральное горело»; «ум исчезает в-разрывах-в-костре-белокодном!» («Празднество-Калвария», 1984). Образы мертвого тела, встречающиеся у поэта, можно рассматривать в общем контексте литературы XX в., одной из тенденций которой является изображение гибнущего тела [11], а также в контексте смертного авангардного дискурса вообще (о смертности в поэзии Г. Айги см. подробнее у О. В. Соколовой [13]).

Мир Г. Айги наделяется также другими характеристиками, отличными от смертных. Например, связывая пространство мира со временем детства (юности), поэт создает идиллические образы мирового пространства: «и – ровен мир! – река серебряна / поляна

золотиста / я юн» («Вдруг – мелькание праздника», 1963); «была как лужайка страна / мир – как лужайка / там были березы-цветы / и сердце-дитя»; «мир-чистота» («О да: родина», 1975). Как указывает Г. А. Ермакова, «сквозь боль и трагедию – к свету – это и есть суть чувашского мировосприятия, являющаяся эстетической основой художественного мира поэта» [8, с. 12] и нашедшая отражение в его русскоязычных стихотворениях.

Нередко образу мира сопутствуют образы сияния, свечения (света) и пр.: «мир соборно-сияющий» («Поле за Ферапонтовым», 1967); «Сиянье Золотого Часа Мира» («Поле: куст вербы», 1975); «везде – носителем / быть свето-прорубей-и-ран: / не говорить – сверкать о родине: / на мир!» («Родина (*поднимающийся под навес*)», 1973), а также мотив пения: «сквозная легкость мира / поется – в грусти трепеща височной» («Лес – сразу за оградой», 1970); «Музыка-Мир» («Мир-Сосны», 1976); «вещь из соломы поет на весь мир» («Круг», 1989).

Образы сияния, свечения у Г. Айги можно рассматривать в качестве выражения экзистенциального переживания, осмысления того или иного события, явления, предмета (как в позитивном, так и в негативном ключе), в том числе в контексте мирового пространства. Поэт «высвечивает» объект поэтического фокуса, делая на нем акцент. Следует отметить, что мотив света представляется одним из основных мотивов в его творчестве: «Согласно Г. Айги, все есть одно целое, находящееся в потоке света» [8, с. 14], что тоже является отражением мировидения чувашских предков поэта, почитавших свет [8, с. 18]. Звуковые образы, в частности пение, также выступают средством акустической актуализации явления, предмета в глобальном пространстве мира. В обоих случаях становится возможным предположение о гиперболизации объекта – оптической и акустической.

В контексте мирового пространства также подвергаются поэтическому осмыслению категории пребывания (присутствия) и отсутствия, которые соотносятся с двумя важными топосами поэтического ландшафта Г. Айги – *здесь* и *там* [12, с. 257–258]: «соломинками слабыми / поблескивает мир / кругом отсутствуя давно» («Заря: после занятий», 1965); «пребывание идеи-хлеба в мире» («К разговору на расстоянии», 1985–1988); «река в мире доли-ин была-пребывала – очертания в мир добавляя» («Река-Жемайтия», 1984). При этом пребывание можно рассматривать (как и в предыдущих случаях) как актуализацию предмета в мире, отсутствие – как актуализацию его небытия, что также можно соотнести с общей смертностью топологии.

Мир Айги способен отождествляться с предметом или включаться в него: «мир-альбом» («К циклу “Празднеств” (К альбому)», 1973); «и каждый вздрог – / в-себе-весь-мир-содержащий» («Дневная песня соловья», 1975); «свеча / Миром была принимая в себя» («Давнее рисование», 1992). Пространство словно распадается «на более мелкие “подпространства”, для которых самым важным становится динамическое перемещение из одного типа в другой» [7, с. 291]. Предмет, явление могут сравниваться с миром: «одинок и чисто / лишь я и поле / как мир» («Тишина», 1955–1956); «стойко было утро / во мне: как в мире» («Снова: места в лесу», 1969). В этом заключаются синкретизм и пластичность образа мира и образа Г. Айги вообще, что вполне закономерно, поскольку «...свойство “быть вещью” есть функция пространства (ср. обратный вариант – “быть пространством, образовывать пространство” как функция вещи)» [14, с. 238]. Он обозначает связь между отдельным, единичным предметом и целым миром: «Согласно представлениям поэта, мир един, целостен, он живет по законам круга, то есть “вечного вращения”, что просматривается и в древней чувашской вере» [8, с. 14].

Мир в художественном изображении пространства Г. Айги включен также в ряд других контекстов, которые в рамках одной статьи вряд ли возможно систематизировать и подвергнуть классификации в силу специфики объекта исследования. В качестве примера нами были приведены основные контексты реализации данного типа пространства.

Резюме. В поэзии Г. Айги заявлено универсальное пространство мира как отражение человеческого бытия. Образ мира является одной из главных составляющих образной системы поэтического произведения и может быть рассмотрен с самых разных позиций. Согласно точке зрения, представленной в данной статье, мир у Г. Айги воплощается как пространство угрозы, смерти, небытия, как оппозиция утверждению о высшей ценности человеческой жизни (тем самым расширяя моргальное пространство русской и мировой литературы XX в.), а также как глобальное пространство актуализации поэтического образа явления или предмета. Выстраиваемая поэтом картина мира имеет национально-мифологическую основу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айги Г. Н.* Здесь : избранные стихотворения. 1954–1988. – М. : Современник, 1991. – 287 с.
2. *Айги Г.* Из неопубликованного // Литературное обозрение. – 1998. – № 5–6. – С. 5–9.
3. *Айги Г.* Отмеченная зима : собрание стихотворений : в 2 ч. – Париж : Syntaxis, 1982. – 625 с.
4. *Айги Г.* Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Гилея, 2009.
5. *Айги Г.* Сон-и-поэзия. Разрозненные заметки // Литературное обозрение. – 1998. – № 5–6. – С. 10–13.
6. *Айги Г. Н.* Теперь всегда снега : стихи разных лет. – М. : Советский писатель, 1992. – 320 с.
7. *Андреянова Е.* Влияние супрематических идей К. Малевича на поэтические концепции пространства в творчестве Г. Айги 1960–1980-х годов // Летняя школа по русской литературе. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 289–296.
8. *Ермакова Г. А.* Эстетические основы художественного мира Г. Н. Айги : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02. – Чебоксары, 2004. – 39 с.
9. *Корчагин К. М.* Пространство и субъект в поэзии Геннадия Айги // Russian literature. – 2016. – № 79–80. – Р. 111–124.
10. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – С. 413–447.
11. *Люсый А. П.* Литературная мера небытия // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 186–191.
12. *Никитина А. В.* Геннадий Айги: ландшафты «здесь» и «там» // Никоновские чтения : электронный сборник научных статей : в 2 т. Т. 2. – Чебоксары, 2016. – С. 256–259.
13. *Соколова О. В.* Моргальный дискурс в неоавангарде второй половины XX века («Разговор на расстоянии» Г. Айги и «Девять книг» В. Сосноры) // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300(III). – С. 17–19.
14. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–285.
15. *Хузангай А.* У-топия Геннадия Айги // Литературное обозрение. – 1998. – № 5–6. – С. 50–52.

Статья поступила в редакцию 28.09.2019

REFERENCES

1. *Ajgi G. N.* Zdes ': izbrannye stihotvoreniya. 1954–1988. – M. : Sovremennik, 1991. – 287 s.
2. *Ajgi G.* Iz neopublikovannogo // Literaturnoe obozrenie. – 1998. – № 5–6. – S. 5–9.
3. *Ajgi G.* Otmechennaya zima : sobranie stihotvorenij : v 2 ch. – Parizh : Syntaxis, 1982. – 625 s.
4. *Ajgi G.* Sobranie sochinenij : v 7 t. – M. : Gileya, 2009.
5. *Ajgi G.* Son-i-poeziya. Razroznennye zametki // Literaturnoe obozrenie. – 1998. – № 5–6. – S. 10–13.
6. *Ajgi G. N.* Teper' vseгда snega : stihi raznyh let. – M. : Sovetskij pisatel', 1992. – 320 s.
7. *Andreyanova E.* Vliyanie suprematicheskikh idej K. Malevicha na poeticheskie koncepcii prostranstva v tvorchestve G. Ajgi 1960–1980-h godov // Letnyaya shkola po russkoj literature. – 2017. – T. 13, № 3. – S. 289–296.
8. *Ermakova G. A.* Esteticheskie osnovy hudozhestvennogo mira G. N. Ajgi : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.02. – Cheboksary, 2004. – 39 s.
9. *Korchagin K. M.* Prostranstvo i sub"ekt v poezii Gennadiya Ajgi // Russian literature. – 2016. – № 79–80. – P. 111–124.
10. *Lotman Yu. M.* Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i : v 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. – Tallin : Aleksandra, 1992. – S. 413–447.
11. *Lyusyj A. P.* Literaturnaya mera nebytiya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». – 2017. – T. 27, № 2. – S. 186–191.

12. *Nikitina A. V.* Gennadij Ajgi: landshafty «zdes'» i «tam» // Nikonovskie chteniya : elektronnyj sbornik nauchnyh statej : v 2 t. T. 2. – Cheboksary, 2016. – S. 256–259.
13. *Sokolova O. V.* Mortal'nyj diskurs v neoavangarde vtoroj poloviny XX veka («Razgovor na rasstoyanii» G. Ajgi i «Devyat' knig» V. Sosnory) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 300(III). – S. 17–19.
14. *Toporov V. N.* Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. – M. : Nauka, 1983. – S. 227–285.
15. *Huzangaj A.* U-topiya Gennadiya Ajgi // Literaturnoe obozrenie. – 1998. – № 5–6. – S. 50–52.

The article was contributed on September 28, 2019

Сведения об авторе

Кудрякова Татьяна Витальевна – аспирант кафедры «Русский язык как иностранный» Международного института Ульяновского государственного технического университета, г. Ульяновск, Россия; e-mail: tatiusw@mail.ru

Author information

Kudryakova, Tatyana Vitalyevna – Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language, International Institute, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia; e-mail: tatiusw@mail.ru